

УДК 101.1:316

ПОСТМОДЕРН И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

© 2016 г. Л. С. Николаева, О. В. Загорская, М. А. Никулина

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова
ФГБОУ ВО «ДГАУ»*

В статье анализируется постмодерн как явление и состояние современной культуры, основные точки зрения на постмодерн; анализируются тенденции, предшествующие постмодерну, ризомное понимание постмодернизма; характеризуется ризома как метапаттерн, приглашающий к историческому творчеству.

Ключевые слова: *постмодерн; ризома; постмодернизм; фюсис объекта; модерн; модернизм; рационализм; переходы между гетерогенными языковыми играми; метапаттерн; игра.*

In the article the postmodern as the phenomenon and a condition of modern culture and the basic points of view on a postmodern are analyzed; the modernist style as the predecessor of a postmodern, rhizome-based understanding of a postmodernism are reviewed; the rhizome as an inviting to historical creativity metapattern is also characterized.

Key words: *postmodern; rhizome; postmodernism; rationalism; transitions between heterogeneous language games; a metapattern; game.*

В современную эпоху мы можем наблюдать дифференциацию и детализацию представлений о границах, полномочиях, сферах влияния и осуществления разума и рациональности. Можно выделить два главных смысла такой редукции разума. Во-первых, это специализация, профессионализация сферы разумного (разум ставится более «софистичным», более утонченным, усложненным). Поскольку в наше время к разуму предъявляются все более жесткие требования, удовлетворение которых предполагает напряженную работу мысли, постольку как бы уменьшается и сфера того, что подвергается рационализации. Соответственно возрастает «давление» стихии иррационального.

Во-вторых, это фрагментаризация, все большая локализация разума. Это означает, прежде всего, что претензии на всеобщность и целостность, некогда сопровождавшие и одушевлявшие конструирование рациональных схем, ныне уходят в сферу ирраци-

онального и чем дальше, тем больше закрепляются в ней.

Таким образом, в современную эпоху обнаруживаются основания не только для иррационалистического подхода к действительности, но и основания для поиска рационалистического подхода, образа новой рациональности.

Отмеченная тенденция в понимании состояния, возможностей философии, ее ограниченности и «новых» компонентов, хотя и не очень распространена, но весьма симптоматична. Как пишет А. Н. Чанышев, сейчас в России «сильна тенденция» растворить философию «в мифологическом мировоззрении», представить ее как форму мифического сознания, видеть в ее предмете мифологию и религию. Близко к такому подходу стоят попытки трактовки философии как «определенной системы верования, в котором неразсторжимо соединены... компоненты веры и знания».

Все это существенно расходится с той рационалистической традицией, которая устойчиво проявлялась в философии предыдущих эпох. Европейская культура с давних пор включала рациональность, законосообразность, нормативность как основные свои характеристики. Истоки рациональности ясно обозначились в античности, когда древние греки отчетливо выражали свою предрасположенность к тому, что оформлено, имеет четкие границы и не совместимо с чем-то аморфным, расплывчатым, неустойчивым. Платон, как известно, ввел для понимания мира понятие «эйдос», означавшее одновременно и эталон, стандарт, и совершенное, прекрасное. Античные философы представляли себе все мироздание как единый, гармоничный Космос, а философию — как целостное рационально-понятийное знание.

В русле данной традиции и сегодня немало философов неразрывно связывают философию исключительно с идеей рациональности, «философия, — пишет А. Н. Чанышев, — есть попытка разгадать тайны бытия и небытия интеллектуальными средствами», т. е. философию следует понимать именно как форму рационально-понятийного освоения мира. «И наше дело — дело философов, — говорит в том же духе А. Н. Уайтхед, — воссоздать и переделать мировидение, все более проникнутое действенной рациональностью». Однако в современной ситуации доминанта заметно меняется.

Дискурс постмодернизма (в лице Ж. Деррида и др.) провозгласил обязательный плюрализм, принципиальную многозначность и метафоричность в качестве новой модели восприятия действительности. Вместо классического понимания истины «как соответствия» (устами К. Поппера, Б. А. Леви и др.) предлагается ее толкование как бесконечного, никогда не завершеного процесса, а вместо понятия «картина мира» с его системностью, со-подчиненностью и иерархичностью — образ лабиринта как символа полноты и Идеи мира. Начав «расшатывание традиционного аппарата», деконструкцию традиционных культурных форм, многие представители постмодернизма пришли к отрицанию всякой реальности, кроме той, что существует между партнерами благодаря достигнутому консенсусу, к признанию в мире

знания, к отказу от «иллюзии» тождества понятия, мысли. Реальный мир некоторыми из них редуцируется к его конечным и начальным основаниям, к «хаосому», внутреннему тождеству мира и Хаоса (Ж. Делез), где все равнослучайно, как и их смысловая иерархия и субординация, а противоположности материального-идеального, детерминизма-индетерминизма, необходимости-случайности совмещаются и представляются как искусственные изобретения ума.

Что объединяет современные подходы к проблеме рациональности? Можно ли говорить о каком-то господствующем в современном сознании «образе» рациональности? И если да, то каково его отношение к ранее господствовавшему образу рациональности — взаимоисключение, взаимодополнительность? Наконец, как можно интерпретировать саму смену образа рациональности?

Значение понятий «рациональность», «рациональный» функционально, контекстуально обусловлено: оно зависит от того, в каком ряду сопоставлений и противопоставлений возникает это понятие. Как замечает Н. С. Автономова, можно было бы сказать, что «тема рациональности постоянна и неизменна как для философского, так и для научного мышления, поскольку разум постоянно сталкивается с тем, что разумом не является и что еще только должно быть познано, зафиксировано логико-дискурсивными средствами как всеобщий и необходимый результат познания».

Современное состояние «размытых границ» в извечной дихотомии «рациональное — иррациональное» не в последнюю очередь связано с переосмыслением наших возможностей в попытках постижения некоей объективной истины. Рождение нового идеала рациональности призвано здесь, с одной стороны, провести новую «демаркационную линию» между самими понятиями «рационального» и «иррационального», а с другой стороны, ответить на вопрос, чего же собственно мы ожидаем от самого процесса познания и от рациональности как когнитивного метода. Принципиальная разница между классическим и неклассическим идеалами рациональности, по мнению Мамардашвили, состоит как раз в том, что «в классической картине мира, в классической рациональности исходят из того, что пре-

образования, или связь по взаимным преобразованиям различных точек наблюдения, предполагает суммацию знаний и некоторое движение по этому суммированию. И при этом вводится еще абстракция некоторого сверхмощного гипотетического божественного интеллекта, которому причастен человек, получающий тем самым право на некий предельный переход, на допустимость охвата такого количества точек наблюдения, которое на самом деле невозможно, но на пределе эта операция допустима».

Вместе с тем в философии постмодерна как предельной антитезы классического идеала «взгляд на мир» отмечен убеждением, что любая попытка сконструировать «модель мира» — как бы она ни оговаривалась, или как бы она ни ограничивалась «эпистемологическими сомнениями» — бессмысленна».

В наши дни роль связующего звена между различными аспектами сознания, функцию приведения их к целостности берет на себя обыденное сознание с его принципиальной несистематичностью или, точнее, систематичностью особого рода, которая основана на взаимоупорядочении «вторичных» рационализаций, скрывающих иллюзорные образования сознания. Все это ведет к одному из самых знаменательных явлений в системе современного сознания — к своего рода вторичной мифологизации сознания, или «ремифологизации». Экспансия обыденного сознания, его попытки играть в принципе недоступную ему роль системообразующего начала могут породить лишь мифотворчество, сходное по результатам с мифологией первобытного сознания.

Обыденное сознание и обыденная практика, как вслед за Шютцем считает Гарфинкель, в высшей степени снабжены качеством рациональности, что и позволяет им быть в известном смысле объектом и моделью познания. Эта особая рациональность должна выступать как внутреннее свойство обыденной практики и сознания, не навязанное им ничем внешним. Такой взгляд основан на «представлении мышления как естественного проявления способности, в допущении естественной мысли, способной к истине, к соприкосновению с истиной в двойном облике доброй воли мыслителя и правдивой сущности мышления». Однако здесь возни-

кают определенные сложности. Такое «естественное проявление» способности мыслить крайне редко встречается в повседневности и на практике. Это доказывается хотя бы тем, что мифоструктуры представляют собой объекты веры, а не знания, и крайне легко навязываются тому же обыденному сознанию, например, идеологической пропагандой. Но именно на допущении того, что «мышление близко к истине, формально обладает истиной и материально желает истины», строится классический идеал рациональности. «Такая ориентация для философии очень досадна. Так как предполагаемый тройной уровень — естественно правдивой мысли, по праву естественного обыденного сознания, узнавания как трансцендентальной модели — может составить только идеал ортодоксии». Эти слова Ж. Делеза наглядно показывают критический настрой постмодернизма по отношению практически к любой форме традиционно понимаемой рациональности, будь то наука, обыденное сознание или миф.

Что человек не сводится к своему *ratio*, что мы способны получать достоверное знание о реальности и другими путями, например, интуицией или откровением, в наше время едва ли не общепризнано. Да и традиция философской антропологии, восходящая к Канту, закономерно обращается к тем глубинным понятиям о человеке, которые содержатся в Священном Писании. По словам Канта, «добрый принцип... с самого начала рода человеческого невидимым образом снизошел с небес в человечество... и по праву имел в нем свое первое пребывание». Мераб Мамардашвили утверждал вслед за Кантом, что знание добра и зла было таинственным образом открыто человеческому сознанию; у нравственности нет причины, она есть причина самой себя.

Для постмодернизма отрицающего зависимость начала порождающего (причины) и результирующего эффекта (следствия), провозглашающего эклектизм и смешение характерно отношение к миру как к объекту осознания, фиксируемому, прежде всего, в письменных формах. Поэтому мир выступает как текст. «Ничто не существует вне текста» — общеизвестное высказывание Ж. Деррида. Самосознание личности тоже уподобляется «сумме текстов», вступающих

во взаимодействие с другими текстами, образующими реальное бытие мира, культуры. Причем, текст не обладает единым принципом структурности, значение его определяется контекстом, оно бесконечно изменчиво. Жизнь текста несамостоятельна, не ограничена сама собой. Текст многомерен, одни и те же его элементы могут быть увидены с разных сторон и, соответственно, по-разному истолкованы. Любой знак может быть процитирован, закавычен, порождая бесконечное множество интерпретаций, новых контекстов. Всякий текст может быть прочтен через другой текст, а любой текст может быть рассмотрен как потенциальная цитата.

Осмысление рационально-концептуальных интерпретаций постмодерна, прояснение значения всех его продуктов потребовали разработки нового методологического подхода, каким стала «деконструкция». В некотором смысле постмодернистская «деконструкция», в сущности, соответствует функции попперовской «фальсификации» с той лишь разницей, что применима не столько к научным теориям, сколько к их, фундаментальным основаниям, можно сказать, к основам любого возможного дискурса и, следовательно, к любым формам рациональности. Именно поэтому Р. Барт обращается к анализу современной мифологии, рассматривая ее как, несомненно, рациональную форму и пытаясь деконструировать (т. е. проверить на состоятельность, «фальсифицировать») как основу любого потенциально возможного сознания.

Проблема обоснования знания на протяжении веков являлась узловой проблемой философии. В гносеологических установках постмодернизма находят свое предельное выражение многие идеи и гипотезы, относительно сложности процесса познания, рожденные в XX столетии и сформулированные такими мыслителями, как Кун, Поппер, Витгенштейн и др. Примечательно, что постмодернизм, зародившись в лоне гуманитарного знания и антропологической ветви западной философии, вскоре получил подкрепление со стороны выходцев из круга сциентистски ориентированных философов, в центре внимания которых находились вопросы теории познания и методологии науки (тут особенно выделяется фигура Р. Рорти). Однако вряд ли можно говорить о четко обо-

значенном методе постмодерна. Скорее можно ощутить общую направленность ведущейся работы, целью которой будет испытание необходимости человеческого разума и возможности человеческого духа, высвобождение мысли из всевозможных омертвевших форм.

Все виды знания рационального и иррационального, с точки зрения постмодернизма, есть лишь тексты, а одни тексты не могут претендовать на то, чтобы называть себя более высокими, значимыми, чем другие. Поэтому метафизика, как знание, являющееся законодательным, определяющим, задающим правила другим областям знания, исчезает из арсенала постмодернизма. Личное, невыразимое в слове знание, знание, которое невозможно передать интеллектуальным образом, неконвенциональное знание, не теряет своей значимости ввиду своей непередаваемости. Тем не менее, интеллектуальная работа по обеспечению возникновения этого знания ведется.

Главный элемент такой работы — интеллектуальное осознание ограниченности собственного разума и, соответственно, рациональности. Ум, свободный от иллюзий своей способности постижения бытия, становится способным к постижению этого бытия. Он видит нетождественность мира и своего знания о нем, и только тогда у человека появляется шанс на возможность события, события того и другого. Но если человек, субъект подобного рефлексивного процесса, осознает это и его осознание имеет тенденцию к концептуализации, то он снова оказывается перед дилеммой.

Если законодательным разумом полагалась возможность точной и однозначной интерпретации текста, то интерпретирующий разум приходит к выводу, что интерпретируемый текст может быть лишь дополнен интерпретирующим. Процесс такой интерпретации бесконечен и не может быть завершен. Он не в состоянии, благодаря какому-то трансцендентному методу, прийти к однозначности или истинному пониманию текста.

Основа дискурса в постмодернистской гносеологии — множественность интерпретации; новым методологическим ключом признается ризоматика, то есть отвергается иерархическая система оценок и норм, со-

ставлявшая основу классического дискурса. «Ризома — карта неопределенности, которую нужно читать, проигрывать, интерпретировать, вкладывать в нее смысл».

Категория истины в постмодернизме считается фикцией. Нужно отметить, что в постмодернизме исчезает понятие объективной истины. Так как монистическая модель общества стремительно заменяется плюралистической, встречаются нигилистические идеи о том, что нет различия между истиной и заблуждением, добром и злом. Принцип плюрализма понимается не как готовность к одновременному применению различных типов анализа или как признание взаимоисключающих выводов, а как возможность переходить от одного типа интерпретации объекта к другому. Таким образом, истина истолковывается не как слепок с реального объекта, не как характеристика знания, а как описание способов деятельности с ним. Поскольку таких способов может быть много, возможен и плюрализм истин, то есть исключается монополия на истину, обнаруживается связь истины с интересами людей. Понятие «объективная истина» в лучшем случае сохраняет лишь абстрактно-регулятивное значение в общественном сознании, но практически истинность выявляется в контексте всех типов мышления, деятельности и коммуникаций.

Под влиянием теоретиков структурализма и постструктурализма (в области литературоведения, в первую очередь, А.-Ж. Греймаса, Р. Барта, Ж. Лакана, М. Фуко, Ж. Дерриды и др.) сознание человека было отождествлено с письменным текстом, как якобы единственным более или менее достоверным способом его фиксации. В конечном же счете, как текст стало рассматриваться все: общество, история, сам человек.

Положение, что история и общество являются тем, что может быть «прочитано» как текст, привело к восприятию человеческой жизни как единого «интертекста», который, в свою очередь, служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста.

Через призму интертекстуальности мир предстает как огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа: смещение

определенных элементов дает новые комбинации.

Концепция «интертекстуальности» Жака Деррида доходит до радикального постулата: «не существует ничего вне текста». В постмодернизме интерпретирующий подход настаивает: ничто, что мы можем знать, не способно претендовать на статус более высший, чем статус другого такого же текста. А интертекстуальность, отрицая границы между текстами (один текст «врастает» в другой), отменяет все границы, определяемые законодательным разумом; разделение на субъект и объект, внутреннее и внешнее, смысл и бессмыслицу, определенность и случайность, истину и заблуждение, текст и его интерпретацию.

Таким образом, множественность интерпретаций, распад знания по логике бинарных оппозиций не воспринимаются в постмодернизме в качестве неких помех, которые можно устранить и которые нужно устранить (как это рассматривает модерн). Интерпретирующий разум рождается, таким образом, из осознания текучести форм мира, его плюралистичности и не сводимости к какому-либо принципу. В рамках постмодерна это рассматривается как конститутивное, внутренне присущее миру состояние.

Для «постмодернистской чувствительности» конца XX века характерно странное смешение философичности, критичности, литературности, когда именно писатели на страницах своих произведений рассуждают о теории его возникновения, а теоретики и философы утверждают, что только художественными средствами способны достичь своих специфически научных целей. Происходит проникновение во все сферы гуманитарной мысли (и даже научно-естественной) от философии и психологии до научно-критической деятельности чисто художественного способа мышления, когда любой научный анализ начинает оформляться по законам художественного творчества, как «нарратив», т. е. рассказ со всеми его свойствами и признаками беллетризованного повествования.

Научное знание и тип рациональности развиваются не только путем простого приращения сведений и законов. В определенный момент происходит грандиозный скачок

в преобразованиях всей системы сложившихся представлений. Такими были переходы от физики Аристотеля к физике Ньютона, от геоцентрической системы Птолемея к астрономии Коперника и Галилея, от теории флогистона к химии Лавуазье.

Не подлежит сомнению тот факт, что мир находится на пороге новой парадигмы. Эта смена, судя по всему, будет иметь невиданные масштабы, поскольку в корне изменит все наши воззрения на мир, природу и человека. Вполне возможно, что она устранил пропасть между древней наукой, между восточной мистикой и западным прагматизмом.

Классический тип рациональности, выпестованный европейской традицией на базе культы разума и науки, претерпевает модификации. Разум только тогда рассматривается в качестве фундамента рациональности, когда он дополняется чувственностью, интуитивно-образным прозрением, всей субъективностью человека.

Важно отметить, что монополия науки и научного мышления на рациональность как будто утрачивается. В каждой из форм духовной деятельности обнаруживается своя рациональность, своя «логика», то есть объективная упорядоченность, не сводимая к какой-то иной, например, к научной. В этом смысле появляется возможность говорить о различных несводимых формах «рациональности», присущих мифу, искусству, морали, религии — образованиям, которые раньше рассматривались как внерациональные.

С другой стороны, обнаруживался еще один процесс, чрезвычайно значимый для понимания рациональности. Дело в том, что идеал рациональности, который в течение нескольких веков питал философскую рефлексию, стал проходить через серьезные испытания. Военные катастрофы, экономические потрясения, гибель природы, разгул тоталитаристских тенденций — все это не могло не подорвать веру многих мыслителей в разум, в логику и упорядоченность мыслительной деятельности.

Философия и культура постсовременности является, по мнению ряда исследователей, реакцией на исчерпавший себя «проект Просвещения». Драматические изменения и сдвиги в различных областях культуры, социума, экономики, происшедшие в конце

1960-х — начале 1970-х годов привели к переосмыслению многих категорий и концептов, причем это не было простой сменой одной категориальной сетки на другую, а скорее признанием исчерпанности возможностей «упорядочивания» жизни в униформных категориях. Отсюда постоянное использование приставки «пост-» в самых разных дискурсивных областях.

Литература

1. Бандурин А. П., Николаева Л. С. Постмодерн и современная культура. // Социально-гуманитарные знания. — 2012. — №7. — С. 236–243.

2. Беликова К. С., Николаева Л. С. Конструктивный диалог как метод познания. // Вестник Донского аграрного университета. — 2014. — №1 (11). — С. 122–130.

3. Бочан С. А., Николаева Л. С., Ключкова А. А. Целостное измерение личности в современном обществе: социально-философский анализ. Монография. — Новочеркасск, 2008.

4. Николаева Л. С. Постмодерн как ризомная интерпретация культуры. // Вестник Донского государственного аграрного университета. — 2013. — №4 (10). — С. 100–107.

5. Николаева Л. С., Загорская О. В., Кайгородова Л. А. Социальная философия: учеб. пособие. / Новочерк. гос. мелиор. акад. — Новочеркасск, 2013. — 309 с.

6. Николаева Л. С. Радикальные культурологические концепции и культура советского периода. — Новочеркасск: НГМА, 2000. — 202 с.

7. Никулина М. А., Николаева Л. С. Ситуация постмодерна и анализ трансформации современного мировоззрения. // Пятые Велиховские научные чтения: актуальные проблемы социально-гуманитарного знания: сборник науч. ст. (15 марта 2015 г.; г. Новочеркасск). / Новочерк. инж.-мелиор. ин-т им. А. К. Кортунова НИМИ ДГАУ; под ред. Л. С. Николаевой. — Новочеркасск, 2015. — С. 52–60.

8. Николаева Л. С., Данцев А. А., Загорская О. В. Социальная философия в вопросах и ответах: учеб. пособие для магистратуры. / Новочерк. гос. мелиор. акад. — Новочеркасск, 2011.

9. Телетина Ю. В., Николаева Л. С. Феномен символа в цивилизационных образах культуры: моногр. / Новочерк. инж.-мелиор. акад. — Новочеркасск, 2013. — 170 с.

Поступила в редакцию

5 февраля 2016 г.

Людмила Сергеевна Николаева — доктор философских наук, профессор Новочеркасского инженерно-мелиоративного института ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет».

Lyudmila Sergeyevna Nikolayeva — Ph.D., Doctor of Philosophy, professor of the Novocherkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 8635 22 38 24; e-mail: ngma-ekonomik-upravleniya@mail.ru

Ольга Вадимовна Загорская — кандидат социологических наук, доцент Новочеркасского инженерно-мелиоративного института ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет».

Olga Vadimovna Zagorskaya — Ph.D., Candidate of Sociology, docent of the Novocherkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 8635 22 38 24; e-mail: ngma-ekonomik-upravleniya@mail.ru

Марина Алексеевна Никулина — кандидат философских наук, доцент Новочеркасского инженерно-мелиоративного института ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет».

Marina Alekseyevna Nikulina — Ph. D., Candidate of Philosophy, docent of the Novocherkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 8635 22 38 24; e-mail: ngma-ekonomik-upravleniya@mail.ru
